

УДК 81

ТЕКСТОВЫЙ КОНЦЕПТ «КОТИК ЛЕТАЕВ» И СРЕДСТВА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ А. БЕЛОГО

© 2019 г.

Ю.Д. Родина

Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна

kaf.rus.gsgu@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.02.2019

Выявляются и анализируются языковые средства репрезентации текстового концепта «Котик Летаев», направленные на представление лингвокогнитивного и прагматического уровней организации языковой личности персонажа.

Исследование основывается на комплексном, системном подходе, сочетающем элементы когнитивного и конкретно-текстового анализа.

Методологическую основу статьи составляют принципы анализа текстового концепта «Персоналия», апробированные в работах А.Ю. Богомолова и Л.Н. Чурилиной.

На конкретном языковом материале показаны авторское своеобразие в создании концепта «Котик Летаев», особенности его функционирования в организации текста.

Анализ указанного концепта осуществляется с опорой на текстовые фрагменты разной субъектной отнесенности: фрагменты внутренней речи самого персонажа и фрагменты речи других персонажей романа.

Ключевые слова: концептуальный анализ, антропоцентрическая парадигма, концепт «Персоналия», концепт «Котик Летаев», персонажная лексическая тема, субъектно-речевая сфера, понятийная сфера, репрезентация, вербализаторы, языковая личность.

Введение

В современной лингвистической науке язык как объект исследования стал рассматриваться в антропоцентрической парадигме с позиций его участия в познавательной деятельности человека. Исследование предметов человеческой культуры под антропоцентрическим углом зрения является проявлением научной эмпатии к человеку [1, с. 43].

Обнаружение концептов в художественном тексте проливает свет на понимание литературного творчества [2, с. 22]. Концептуальный анализ в художественном тексте представляет собой аналог семантического анализа в связи с использованием в обоих случаях метода толкования значения слов, но цель концептуального анализа состоит в выявлении авторской картины мира, ведущей читателя к познанию действительности через категории, характеризующие познавательную деятельность человека [3, с. 4].

Наш исследовательский интерес связан с романом А. Белого «Котик Летаев», представляющим собой внутренний монолог заглавного персонажа, ведущего интенсивную внутреннюю жизнь, наполненную интеллектуальной и эмоциональной рефлексией.

Индекс частотности и особенности функционирования эгоцентрического местоимения *Я* в индивидуальном лексиконе персонажа позво-

ляют отнести Котика Летаева к типу монологических героев или «героям, склонным к самовыражению в виде развернутых высказываний» [4, с. 101].

Методологическую основу данной статьи, являющейся фрагментом диссертационного исследования, посвященного изучению языковой личности персонажа художественного текста, составляют принципы анализа текстового концепта «Персоналия», апробированные в работах А.Ю. Богомолова [5] и Л.Н. Чурилиной [6].

Путь к постижению образа лежит через анализ функционирования имени собственного в художественном тексте [6, с. 11]. Имя персонажа не только обеспечивает идентификацию субъекта на всем протяжении текста, но «эволюционирует в сторону обогащения» (А.Т. Семенов), вбирает в себя всю информацию об этом субъекте, получающем в тексте вербальное выражение (цит. по: [6, с. 11]). В связи с этим «правомерно рассмотрение в качестве лексического эквивалента персонажной лексической темы специального текстового концепта «Персоналия», соотносимого с ранее предложенным Ю.С. Степановым понятием «индивидуальный концепт», или «понятием о данной теме» [7]. Под текстовым концептом «Персоналия» вслед за Л.Н. Чурилиной понимаем «воплощенную в тексте модель ЯЛ во всей совокупности ее характеристик» [6, с. 12].

Своеобразие данного концепта определяется «его безусловной уникальностью»: «сферой формирования и бытования концепта «Персоналия» является только текст; комбинация лексических средств, служащих его объективации (персонажная лексическая тема), не имеет аналогов в стандартном тезаурусе» [6, с. 12].

Принимая во внимание вышесказанное, считаем целесообразным рассматривать лексическую тему «Котик Летаев» в качестве аналога текстового концепта «Котик Летаев». На наш взгляд, реконструкция данного концепта позволит более детально представить языковую личность художественного текста, выявить ее коммуникативно-деятельные потребности, являющиеся основными единицами прагматикона.

Цель данной статьи состоит в выявлении и последующем анализе языковых средств репрезентации текстового концепта «Котик Летаев», направленных на представление лингвокогнитивного и прагматического уровней организации языковой личности персонажа.

Основная содержательная часть

Анализ текстового концепта «Котик Летаев» предполагает выход за пределы индивидуального дискурса персонажа и обращение к текстовым фрагментам разной субъектной отнесенности: во-первых, к фрагментам, содержащим оценку со стороны других персонажей романа; во-вторых, текстовым фрагментам, не обращенным к какому-либо адресату (внутренняя речь персонажа), представляющим физический и духовный облик героя, его оценку, особенности речевого поведения, восприятия окружающей действительности.

Считаем целесообразным обратиться к реконструкции данного концепта, последовательно анализируя входящие в него понятийные сферы, среди которых нами были выделены следующие: «Физический портрет», «Интеллектуальные способности», «Психологический портрет», «Речевой портрет».

Физический портрет

Средством языковой объективации понятийной сферы «Физический портрет» являются лексемы, представленные как во фрагментах речи другого персонажа романа (матери персонажа), так и в речи самого Котика Летаева. К ключевым лексическим единицам относятся *маленький, громадная голова, кудри, локоны, большелобый, летаевский лоб, выпуклость, раскоско поставленные глазки, платице*:

«Мама проснулась – зовет нас: – меня берет на постель; треплет кудри; и я – перед ней кувыркаюсь: – Котик, маленький...» [8, с. 1105].

«Мамочка, бывало, целует; вдруг заплачет она; и – откинет меня: – «Он не в меня: он в отца... Начинается про меня разговор; и – разгорается спор: говорят о летаевских – лбах, носгах, подбородках, раскоско поставленных глазках; мне позор: у меня – летаевский лоб; – все Летаевы светлонравные, благородные люди: позор: – у меня раскоско поставлены глазки» [8, с. 1106].

«Самое страшное начинается: мамочка, разгася, меня оттолкнет от себя; и со слезами в глазах обращается к бабушке: «Большелобый ребенок... Мало мне математики: вырастет мне на голову тут второй математик...» [8, с. 1143–1144].

«... Из-под бледно-каштановых локонов дозираю я мир» [8, с. 1102].

«... Поменьше бы лобик мне; хорошо еще, что мне локоны закрывают глаза; их откинуть – все кончено, а страшная, ненормальная выпуклость – лоб – выдается упорно; и лоб – расширяется: – у меня громадная голова; она – шар» [8, с. 1147].

«И поднялся бы у нас разговор о большом моем лбе. Этот "лоб" закрывали мне: локоны мне мешали смотреть; и мой лобик был потный; в платице одедали меня» [8, с. 1147].

Принадлежащие матери Котика фрагменты речи отмечены отрицательной коннотацией. Усматриваемое ею внешнее сходство сына с отцом (математиком Летаевым), заключающееся в наличии *большого выдающегося лба, раскоско поставленных глаз, носа и подбородка*, вызывает у нее чувство гнева и ярости (обращают на себя внимание лексемы, представляющие особенности ее поведения: *вдруг заплачет, разгорается спор, разгася, откинет, оттолкнет, со слезами, самое страшное начинается*). Возникновение подобных чувств и аффективного поведения матери связано с отсутствием черт сходств Котика с ней («Он не в меня») и страхом за будущее ребенка, который может повторить путь отца, став «вторым математиком».

Появление в тексте романа принадлежащих Котику Летаеву фрагментов, представляющих пессимистичные размышления о собственной внешности (неоднократное повторение лексем *мне позор, ненормальная выпуклость*), обусловлено негативной оценкой матери. Внешнее сходство персонажа с отцом признается ею недопустимым, вредным и нуждающимся в сокрытии. Данная оценка оказывает влияние: во-первых, на изменение его внешнего облика (лексемы *кудри, локоны, закрывающие большой лоб и мешающие смотреть, платице*); во-вторых, на эмоционально-психическую сферу персонажа, т. е. формирует заниженную самооценку.

Объективное представление портрета персонажа обнаруживается в текстовом фрагменте, описывающем пребывание Котика Летаева в

деревне, где он внимательно наблюдает за своим отражением (взгляд со стороны):

«Сребрится изливами пруд: а из него на меня смотрит *маленький мальчик*; он – в *платьице*, с *кружевом*; *беспокойные кудри* упали на плечики» [8, с. 1112].

Таким образом, лексические репрезентанты понятийной сферы «Физический портрет» являются отправной точкой в развитии семейного конфликта, жертвой которого становится Котик Летаев.

Интеллектуальные способности

Интеллектуальные способности Котика Летаева и его мыслительная деятельность, составляющие основу для дальнейшего развития обозначенного выше конфликта, представляют важную понятийную сферу для понимания ЯЛ персонажа и его индивидуальной картины мира.

Лексические репрезентанты данной сферы обнаруживаются в текстах других персонажей романа и во внутренней речи самого Котика Летаева. К ключевым словам относятся лексемы *второй математик*, *преждевременное развитие*, *преждевременно развитой*, *придумывал*, *скрыть*, *глупый*, *дурачок*, *талантливый мальчик*.

Оценка интеллектуальных способностей персонажа другими лицами весьма противоречива: одним он кажется смышленным ребенком («он – *развит*», «*талантливый мальчик*»), другим, менее знакомым, – неразвитым, даже глупым («он – *глуп*», «*глупый*», «*дурачок*»):

Про меня говорили одни:

– Вот «*талантливый мальчик*»...

– «Он – *развит*...»

Другие уже говорили:

– «Он – *глуп*...»

– «*Дурачок*...»

И слышу: – «Да он не имеет суждений...»

– «*Глупый мальчик: не развит!*» [8, с. 1171].

Котик Летаев отличается развитым интеллектом, что обусловлено генетическим фактором и окружением – представителями интеллигенции, с которыми персонаж находится постоянно. Отрицательное отношение матери к «*преждевременному развитию*» ребенка, вступившего на путь «*второго математика*», способствует дальнейшему формированию крайне заниженной самооценки персонажа и изменению стратегии поведения, заключающейся в ношении маски, способной защитить его от гнета матери.

В подтверждение сказанного обратимся к текстовым фрагментам:

«Самое страшное начинается: мамочка, разгасяся, меня оттолкнет от себя; и со слезами в глазах обращается к бабушке:

«Тоже с Котом вот: *преждевременно развивает ребенка*¹; воспитание ребенка – *это дело мое*:

знаю я, как воспитывать... Накупает все английских книжек – о воспитанье ребенка ... Ерунда одна ... Нет, подумайте: *пятилетнему показывать буквы ...*». Мамочка тут заплачет; и – скажет: – «*Мой Кот: сюда!*» Если бы я ее расспросил, что такое «оно», что встает в уголочке, и что такое там «мыслится», – то она бы сказала; – «Нет, он – *математик*» [8, с. 1132–1133].

Постоянно повторяющаяся фраза «*преждевременное развитие*» в дискурсе матери прочно входит в сознание Котика и оказывает влияние на его мысли и на самооценку:

«Опасения, как бы я не стал «*вторым математиком*», – одолевают меня; мне ужасно, что я – *большелобый*» [8, с. 1144];

«...там живут – «*математики*»: папа водится – с очень *странной компанией: преждевременно развитой; угрожает она развивать и меня: преждевременно*»;

«... *сиротливо* мое бытие: в *беспредельности* я – *один*, окруженный печами, отдушиной, трубами, из которых за мною ползут: меня взять от мамочки»;

«... да, я знал: если мне наденут штанишки – все кончено: *разовьюсь преждевременно*»;

«А как мне развиваться? *Мамочка запрещает развиваться; развитие – страшно; быть – глупеньким мне. Я поплачу*» [8, с. 1144].

Здесь начинается эволюция концепта «Котик Летаев» в сторону обогащения дополнительным смыслом. Навязываемая матерью оценка интеллектуальной сферы персонажа заставляет его начать поиск той стратегии поведения, которая, с одной стороны, может быть безопасной для него самого, с другой – одобряемой со стороны матери. Персонаж примеряет маску игривого послушного ребенка, напоминающего по своим действиям домашнюю болонку Альмочку; маску человека, не отягощенного какими-либо мыслями. Ключевыми лексемами языковой объективации избираемой персонажем стратегии поведения являются: *кувыркаться*, *поползу*, *нюхать*, *лукаво*, *вилять*, *маленький хвостик*, *подумать нельзя*:

«С *папочкой* говорить мне нельзя: а то мамочка скажет: – «Да он *преждевременно развит*...» Ну-ка – буду-ка я *кувыркаться!* И ну-ка: на мамочку *поползу*, как *болонка*, прямо к плюшевой туфельке – ее *нюхать*; и, приложив ручку к спинке, *лукаво виляю я маленьким хвостиком*. *Кувыряться* я очень любил: и любил я *подумать*; вот только – *подумать нельзя*: – "Ни-ни-ни..." *Кувыряться* я для себя: *и еще больше... для мамочки*» [8, с. 1147].

Котик – имя маски, которую носит заглавный персонаж для матери; такое наименование дано в связи с возникновением у персонажа особенно-

стей поведения, свойственных ручным домашним животным. Летаев – унаследованная от отца фамилия, отождествляемая с научной мыслью.

Позже аналогичную стратегию поведения Котик по ошибке использует в ситуации общения с другими персонажами, что приводит их в недоумение (сравнения Котика с обезьяной):

«И я становлюсь на карачки: виляю им хвостиком, – к спинке приложенной ручкой. И слышу:

– «Вот видите?»

– «Я говорю...»

– «Обезьянка какая-то».

Мне так больно!» [8, с. 1171].

Маска делает персонаж скрытным и расчетливым:

«Я – себе на уме» [8, с. 1147].

«...И оттого-то я скрыл свои взгляды... до очень позднего возраста; оттого-то и в гимназии я прослыл "дурачком"; для домашних же был я "Котенком", – хорошеньким мальчиком... в платьице, становящимся на карачки: повилять им всем хвостиком» [8, с. 1171].

Психологический портрет

Психологический портрет персонажа представляет его душевные переживания и чувства, пронизывающие внутренний монолог на протяжении всего повествования.

Психологический портрет персонажа создается в тексте подробно: языковые средства его репрезентации в большей степени представлены во внутренней речи самого Котика, в меньшей – в текстах других персонажей.

Под термином «внутренняя речь» мы вслед за А.Н. Соколовым понимаем «речь про себя, или скрытую вербализацию, с помощью которой происходит логическая переработка чувственных данных, их осознание и понимание в определенной системе понятий и суждений <...> важный и универсальный механизм умственной деятельности и сознания человека» [9, с. 3]. Исследователем после проведенных экспериментов оговаривается тот факт, что «...обычная характеристика внутренней речи как «беззвучной» справедлива только с точки зрения стороннего наблюдателя; для самого же думающего внутренняя речь остается связанной со слуховыми речевыми раздражениями даже при максимальном торможении речедвижений» [9, с. 47].

Котик Летаев предстает обладающей тонкой душевной организацией личностью, неуверенной в себе и одинокой.

В рамках рассмотрения данной стороны ЯЛ персонажа неизбежно обращение к сфере «Самооценка», вербальным выражением которой

становятся лексемы *нервный, виноват, грешить, грех, грешник*, содержащие преимущественно негативную оценку:

«Полиевкт Андреевич, из-за книги проянись, ко мне наклонялся подчас с великаньим лицом с преогромною лысиной: – "Нервный мальчик какой..."» [8, с. 1155].

«Разве я виноват, что умею показывать я цепкохвостую обезьяну в зоологическом атласе: и двутрубку с ленивцем?». «Разве я виноват, что я слышу от папы: – «Дифференциал, интеграл?». «Разве я виноват, что я – знаю: – папа мой в переписке с Дарбу?» [8, с. 1132].

Ведущей эмоцией данной сферы является *страх*, тесно связанный с чувством *вины*. Котик оказывается в центре складывающихся между матерью и отцом конфликтных отношений, представляющих два противоположных мира: мир матери, т. е. мир чувств, мир отца – мир разума, храм научной мысли:

«Я люблю очень папочку; а вот только: он – учит; а грех мне учиться (это знаю от мамочки я)... Как же так? Кто же прав?.. С мамочкою мне легко: хохотать, кувыркатся; с папочкой мне легко: затвердить "Отче наш"; с мамочкою оба боимся мы: придут "математики"; с папочкою выручаем мы "молодых людей"² и прислугу. *Грешник я: грешу с мамочкой против папочки; грешу с папочкой против мамочки. Как мне быть: не грешить?* Одному мне зажить: я – не папин, не мамин; а жить – одиноко...» [8, с. 1144].

Текстовый фрагмент, передающий внутренний диалог Котика с самим собой по поводу сложившейся в семье конфликтной ситуации, представляет персонаж сомневающейся личностью, разрывающейся между двумя дорогами его сердцу людьми. На вербальном уровне сомнение персонажа подчеркивается при использовании ряда риторических вопросов: «Как же так?», «Кто же прав?..», «Как мне быть: не грешить?»

Во избежание страшных последствий этого конфликта он отказывается от принадлежности к чьему-либо миру и сознательно выбирает одиночество и непохожесть на кого-либо из своих родителей: «Одному мне зажить: я – не папин, не мамин; а жить – одиноко...» [8, с. 1144].

Чувство одиночества формирует у персонажа пессимистичный взгляд на непонятный, противоестественный мир (одиночество персонажа при постоянном нахождении рядом с близкими): «Нет, не нравится мир: в нем все – трудно и сложно. Понять ничего тут нельзя. Плачу я под окном» [8, с. 1133].

Таким образом, в вербальном представлении «Психологического портрета» персонажа задействованы лексемы, передающие отрицатель-

ные эмоций и состояния: *боль, бред, волнение, гнев, грустины, грусть, опасения, опасность, переживания, слезы, смятение, страх, тоска, ужас, утрата*; вербальными репрезентантами самооценки становятся лексические единицы с отрицательной коннотацией: *нервный, виноват, грешить, грех, грешник*. Ведущими эмоциями становятся чувство страха и чувство вины; персонаж же предстает как личность, обладающая тонкой душевной организацией, сомневающаяся и одинокая.

Речевой портрет

Мыслительная деятельность неразрывно связана с речевыми механизмами: облекаясь в словесную форму, мысль Котика Летаева реализуется в процессе речи.

Средства языковой объективации рассматриваемой понятийной сферы содержатся в текстах других персонажей романа и во внутренней речи самого Котика Летаева. К числу ключевых лексических репрезентантов относятся слова: *немел, невнятица, говорить не умел, не умею высказать, без слов, молчит, слова-кирпичи, сложение тяжкокаменных слов*:

«Штанишки не в пору: теснят они, жмут меня; хожу я матросом – с огромным и розовым якорем, *но... без слов*; и, отвечая на ласки, я трюсь головою о плечи; из-под бледно-каштановых локонов дозирую я мир: о, как странно!» [8, с. 1171].

«Про меня говорили:

– «*Все молчит...*»

– «*Не имеет суждений своих...*»

– «*Ну, Котик, скажи что-нибудь...*»

– «*Отчего ты молчишь?*»» [8, с. 1171].

Содержание текстовых фрагментов, представляющих собой речь других персонажей, составляют их взгляды на Котика как на не вступающего в процесс коммуникации ребенка. Причину этого они ошибочно усматривают в отсутствии суждений и недостаточном развитии интеллекта персонажа («*Не имеет суждений своих*»).

Выбор такой стратегии коммуникативного поведения обусловлен желанием персонажа не вступать в коммуникацию, предпочтением этому созерцания и уединения. Одним из средств языкового представления данной стратегии является повтор словосочетания *тихий мальчик*:

«*И я – тихий мальчик – бегу*» [8, с. 1120].

«*..тихий мальчик, я – плачу: мне страшно*» [8, с. 1141].

«*...а я, тихий мальчик, прислушиваюсь*» [8, с. 1164].

«*И я, тихий мальчик, сидел перед нею*» [8, с. 1151].

На наш взгляд, к основным причинам выбора персонажем коммуникативной стратегии отчуждения можно отнести следующие:

1. Сложные конфликтные отношения между родителями, основу которых составляют диаметрально противоположные взгляды двух взрослых людей на воспитание ребенка. Котик находится в замешательстве и не знает, какие слова будут одобрены обеими сторонами конфликта. Поэтому молчание здесь представляется безопасным и удобным для самого персонажа: «*Мне не нравились разговоры: о воспитании ребенка; пересекались на мне тут две линии (линия папы и мамы): пересечение линий есть точка; математической точкою становился от этого я: я – немел; все – сжималось; и – уходило в невнятицу; говорить – не умел и придумывал, что бы такое сказать*» [8, с. 1113].

2. Неспособность персонажа (ребенка) к вербальным манипуляциям: ему весьма трудно придумывать слова, применимые к разным коммуникативным ситуациям в отношении других людей: «*Но, бывало, во мне все сожмется: становится точкою; не умею высказать ничего; все-то думаю: что бы такое придумать: – слова – кирпичи: чтобы выразить, нужно упорно работать мне в поте лица над сложением тяжкокаменных слов; взрослые люди умеют проворно сложить свое слово*» [8, с. 1163].

3. Появление возможности вести втайне от других лиц (в первую очередь, от матери) активную мыслительную деятельность, познавать окружающую действительность, результатом этого процесса являются думы, понятия, образы: «*... и мне кажется: – «преждевременное развитие» уж со мною случилось, когда-то; я откуда-то «развивался»; и «преждевременно» выгнался*» [8, с. 1175].

Рассмотрение понятийной сферы «Речевой портрет» позволяет сделать вывод о коммуникативном поведении персонажа: его замкнутости и сознательном нежелании вступать в процесс коммуникации по ряду указанных выше причин, обусловивших выбор коммуникативной стратегии отчуждения.

Заключение

В ходе анализа текстового концепта «Котик Летаев» мы обращались к текстовым фрагментам разной субъектной отнесенности: фрагментам других персонажей романа и фрагментам внутренней речи самого персонажа.

Рассмотрение понятийных сфер «Физический портрет», «Интеллектуальные способности», «Психологический портрет», «Речевой портрет» в совокупности позволило детально представить ЯЛ персонажа и дать понятие о его мировоззрении.

Примечания

1. Здесь имеется в виду отец Котика (профессор Летаев), который занимается развитием интеллектуальных способностей сына.

2. Так Котик именуется студентами, посещающими кабинет отца.

Список литературы

1. Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: Сб. науч. тр. / Отв. ред. вып. В.З. Демьянков. 2016. С. 36–45.

2. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004. 80 с.

3. Чернова Л.А., Дубова М.А. Концептуальное содержание рассказа А.П. Чехова «На подводе» // Когнитивная лингвистика: мироощущение персона-

жа в русской прозе рубежа XIX–XX вв.: Сб. ст. Коллома, 2015. С. 4–18.

4. Степанова В.В. Лексическая структура текста в коммуникативном аспекте // Актуальные проблемы функциональной лексикологии. СПб., 1997. С. 101.

5. Богомолов А.Ю. Языковая личность персонажа в аспекте психопэтики (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»): Дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2005.

6. Чурилина Л.Н. Языковая личность в художественном тексте: Монография. М.: Флинта, 2017. 239 с.

7. Степанов Г.В. Литературоведческий и лингвистический подходы к анализу художественного текста // Язык. Литература. Поэтика. М., 1988. С. 186.

8. Белый А. Полное собрание сочинений в двух томах. Т. 1. М.: АЛЬФА – КНИГА, 2011. 1279 с.

9. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1967. 248 с.

**TEXTUAL CONCEPT «KOTIK LETAEV» AND MEANS FOR ITS REPRESENTATION
IN THE EPONYMOUS NOVEL BY ANDREY BELY**

Yu. D. Rodina

The author identifies and subsequently analyzes the language means employed to represent the textual concept «Kotik Letaev» on the linguocognitive and pragmatic levels of the organization of the character's linguistic persona. The study relies on the comprehensive systems approach that combines elements of cognitive and specific text analysis. The principles of analysis of the textual concept «Personality» proposed in the works of A.Yu. Bogomolov and L.N. Churilova provide the methodological basis for the article. Specific linguistic material is used to show how the author-specific imagery manifests itself in the development of the concept «Kotik Letaev» and how this concept functions in the text. The analysis of the concept in question relies on the study of text extracts that differ in their relation to the protagonist, including the extracts featuring some other characters in the novel and the fragments of the protagonist's inner monologues.

Keywords: concept analysis, anthropocentric paradigm, concept of an individual, «Kotik Letaev» concept, lexical theme of the character, subject-speech sphere, conceptual sphere, representation, verbalizers, linguistic persona.

References

1. Dem'yankov V.Z. Ob antropocentricheskom napravlenii v kognitivnoj lingvistike // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXVII: Antropocentricheskij podhod v kognitivnoj lingvistike: Sb. nauch. tr. / Otv. red. vyp. V.Z. Dem'yankov. 2016. S. 36–45.

2. Rudakova A.V. Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika. Voronezh: Istoki, 2004. 80 s.

3. Chernova L.A., Dubova M.A. Konceptual'noe sodержanie rasskaza A.P. Chekhova «Na podvode» // Kognitivnaya lingvistika: mirooshchushchenie personazha v russkoj proze rubezha XIX–XX vv.: Sb. st. Kolonna, 2015. S. 4–18.

4. Stepanova V.V. Leksicheskaya struktura teksta v kommunikativnom aspekte // Aktual'nye problemy

funktional'noj leksikologii. SPb., 1997. S. 101.

5. Bogomolov A.Yu. Yazykovaya lichnost' personazha v aspekte psihopoetiki (na materiale romana L.N. Tolstogo «Anna Karenina»): Dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovec, 2005.

6. Churilina L.N. Yazykovaya lichnost' v hudozhestvennom tekste: Monografiya. M.: Flinta, 2017. 239 s.

7. Stepanov G.V. Literaturovedcheskij i lingvisticheskij podhody k analizu hudozhestvennogo teksta // Yazyk. Literatura. Poetika. M., 1988. S. 186.

8. Belyj A. Polnoe sobranie sochinenij v dvuh tomah. T. 1. M.: AL'FA – KNIGA, 2011. 1279 s.

9. Sokolov A.N. Vnutrennyaya rech' i myshlenie. M., 1967. 248 s.